

нения. С другой стороны, не есть ли это дата, когда Висковатый появился в Посольском приказе и, стало быть, мог отчетливо знать многие события, описанные в летописи? Вполне вероятно, что царь и его «ближний черный думец» обсудили характер необходимых вставок и царь дал Висковатому «столбцы»¹⁵⁸ своего послания Курбскому от 5 июля 1564 г.; отсюда сдержанное и разумное изложение в приписках различных драматических событий, о которых упоминает Грозный в неистовых словесных каскадах к «изменнику», «собаке», князю Андрею. Вероятно и то, что указание относительно рисунка в Синодальном списке мог сделать царь.¹⁵⁹ Но записи на полях рукописи производил его «секретарь», дьяк Иван Михайлович, что и естественно для редактора рукописи.

Вернувшись в Москву с этими поправками, сделанными в Александровской слободе по тексту Синодальной рукописи, за годы 1535—1542 (март) и 1553 (август)—1558, Висковатый дал его перебелять, а сам стал пересматривать переписанный текст Царственной книги, редактируя ее с новой точки зрения, указанной Грозным. Однако закончить работу по редактированию Висковатый уже не успел, хотя и сделал столь важные дополнения, как «ключевая» к данной теме приписка под 1553 г. Говоря современным языком, Висковатый сделал «первую» и «вторую» корректуры для будущего единого сводного текста лицевой летописи.

Такая концепция подтверждается эпизодом под 1539 г., где упоминаются «вражда бояр» Шуйских с Бельским и убийство дьяка Федора Мишурина. Там сделана приписка: «А князя Ивана Федоровича Белского поймаша и посадиша его за сторожи, а боярина Михаила Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село».¹⁶⁰ В Царственной книге в этом месте нет приписки, но в тексте имеется рассказ более подробный, чем в Синодальном списке: дан заголовок «О вражде между бояр великого князя и о убийстве дьяка Федора Мишурина»; сама история начинается так «Тоя же осени по дияволу действу бысть вражда между великого князя бояр: начала враждовати князь Василей да князь Иван Васильевичи Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Васильевича Тучкова». В конце рассказа говорится: «...и многие промеж них бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим петься, а не государьским, ни земским».¹⁶¹

Д. Н. Альшиц усматривает в приведенных текстах доказательство того, что «из числа жертв уوبيцы Тучков попал в ее организаторы», и делает из этого вывод, что в данном тексте Царственной книги уже отразилось письмо Грозного от 5 июля 1564 г. и что, значит, «Синодальный список (в первой своей части, отредактированной) и приписки к нему сделаны раньше 1564 года, когда и сам Курбский был в чести и предки его поминались добрым словом в составляемой истории царствования, что Царственная книга и приписки к ней сделаны после 1564 года»¹⁶² Но такая интерпретация неубедительна.

Если бы дополнение под 1539 г. в Синодальном списке делал царь в 1563 г., оно непременно появилось бы в тексте Царственной книги, составлявшейся позднее. Но приписки делались не царем и не в 1563 г., как

¹⁵⁸ По аналогии с царским письмом Василию Грязному-Ильину, сохранившимся в «Крымских посольских книгах», можно быть уверенным, что копия переписки с Курбским хранилась в государственной канцелярии.

¹⁵⁹ Д. Н. Альшиц Источники, стр. 143.

¹⁶⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 98.

¹⁶¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 432.

¹⁶² Д. Н. Альшиц Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 263—264.